

fan_zon

Kim Stanley Robinson

NEW-YORK 2140

КИМ СТЭНЛИ РОБИНСОН

НЬЮ-ЙОРК 2140

fanzon
МОСКВА 2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Kim Stanley Robinson

New York 2140

Copyright © 2017 by Kim Stanley Robinson

Разработка серии *Андрея Саукова*

Иллюстрации на суперобложке, переплете и в тексте
Николая Плутахина

Робинсон, Ким Стэнли.

P58 Нью-Йорк 2140 / Ким Стэнли Робинсон ; [пер. с англ. А. Агеева]. — Москва : Эксмо, 2019. — 640 с. — (Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ).

ISBN 978-5-04-103457-3

Уровень Мирового океана поднялся, и улицы превратились в каналы. Каждый небоскреб стал островом. Но для обитателей площади Мэдисон Нью-Йорк 2140 года — вовсе не мертвый город. Рыночный торговец, который умеет найти новые возможности там, где другие находят только неприятности. Полицейский, чья работа никогда не закончится. Вместе с юристами, разумеется. Звезда интнернета, за приключениями которой на воздушном шаре следят миллионы зрителей, и управляющий домом, заслуживший уважение вниманием к деталям. Двое мальчишек, которым здесь не место, но другого дома у них нет. И эти двое окажутся важнее для будущего, чем кто-либо может вообразить.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-04-103457-3

© Агеев А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тирания утраченной стоимости

А) МАТТ И ДЖЕФФ

— Кто пишет код, тот и создает ценность.
— Вообще ни разу.
— Еще как. Ценность заключается в жизни, а жизнь кодируется как ДНК.

— Значит, и бактерии имеют ценность?

— Конечно. Все живое имеет свои цели и стремится к ним.

От вирусов и бактерий до нас.

— Кстати, твоя очередь чистить туалет.

— Знаю. Жизнь есть смерть.

— Так что, сегодня, значит?

— Частично да. Возвращаясь к моей мысли, мы пишем код. А без нашего кода не может быть ни компьютеров, ни финансов, ни банков, ни денег, ни обменной стоимости, ни ценности.

— Со всеми, кроме последней, — понятно. Но что с того?

— Ты сегодня читал новости?

— Нет, конечно.

— А стоило бы. Все плохо. Нас съедают.

— Как всегда. Сам же сказал — жизнь есть смерть.

— Сейчас еще хуже, чем когда-либо. Становится уже слишком. Скоро и до костей дойдут.

— Да знаю я. Поэтому мы и живем в палатке на крыше.

— Верно, и люди сейчас не меньше тревожатся из-за еды.

— И правильно делают. Потому что это реальная ценность — когда у тебя желудок полон. Деньгами-то не наешься.

— Так и я о чем!

— А я думал, ты говорил, что реальная ценность — это код. Что вполне ожидаемо от кодера, я бы заметил.

— Матт, держись меня. И послушай, что я говорю. Мы живем в мире, где люди делают вид, будто за деньги можно купить все. И деньги становятся целью, мы все работаем ради них. Деньги считаются ценностью.

— Ладно, я понял. Мы на мели, я в курсе.

— Вот и хорошо, вот и держись меня. Мы живем, покупая вещи за деньги, а цены устанавливает рынок.

— Невидимая рука рынка.

— Точно. Продавцы предлагают товары, покупатели его покупают, и колебаниями спроса и предложения определяется цена. Это коллективно, это демократично, это капитализм, это рынок.

— Так устроен мир.

— Верно. И это всегда неправильно.

— Что значит «неправильно»?

— Цены всегда занижаются, и миру конец. У нас массовое вымирание, повышение уровня моря, изменение климата, продовольственная паника — все, о чем не прочитаешь в новостях.

— Все из-за рынка.

— Именно! Дело не только в дефектах рынка. Рынок — сам сплошной дефект.

— Как так?

— Товары продаются за меньшую цену, чем стоит их производство.

— Звучит как верный путь к банкротству.

— Да, и многие предприятия к нему приходят. Но компании, которые еще держатся, тоже не продавали свои товары дороже, чем те стоили сами. И просто игнорировали часть своих расходов. Предприятия под огромным давлением. Они продают свою продукцию по максимально заниженной цене, ведь каждый покупатель покупает все самое дешевое. Поэтому некоторые производственные расходы они не учитывают.

— А нельзя снизить зарплату рабочим?

— Они и так ее снизили! Это было легко. Поэтому-то у нас и разорились все, кроме плутократов¹.

¹ Представитель правящей верхушки, наделенной властью благодаря своему богатству. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

— Я всегда представляю себе диснеевскую собаку¹, когда ты говоришь это слово.

— Они сдавили нас так, что кровь из глаз идет. Я больше не могу это терпеть.

— Сэр Плутократ, грызущий кость.

— Грызущий мою голову! Но теперь нас пережевали. Выжали досуха. Мы платим за товары только часть их себестоимости, а недополученные расходы тем временем выходят боком всей планете и работникам, которые производят товар.

— Зато благодаря этому у них дешевое телевидение.

— Да, они даже могут посмотреть что-нибудь интересное, пока будут разоряться.

— Вот только интересного ничего нет.

— И это еще наименьшая из проблем! Я имею в виду, обычно что-нибудь интересное да находится.

— Позволь с тобой не согласиться. Мы же все это миллион раз видели.

— Да, видели. Я только хочу сказать, что скучное телевидение — не самое большое наше горе. Массовое вымирание, голод, разрушенные детские жизни — вот это куда серьезнее. И становится только хуже. Люди страдают сильнее и сильнее. У меня от этого скоро взорвется голова, богом клянусь.

— Ты просто расстроен из-за того, что нас выселили и мы живем в палатке на крыше.

— И это тоже! Это только маленькая часть.

— Ну, предположим. И что?

— Ну смотри, проблема — в капитализме. У нас развитая техника, у нас хорошая планета, но мы все просираем из-за дебильных законов. Вот что такое капитализм — свод дебильных законов.

— Предположим и это, тут я, может, и соглашусь. Но что мы можем сделать?

— Это свод законов! Причем всемирных! Они действуют по всей Земле, и бежать от них некуда, мы все в них погрязли, и что бы ты ни сделал — система правит всем!

— Но что с этим делать, я так и не слышу.

¹ Имеется в виду Плут, персонаж, известный как домашняя собака Микки-Мауса.

— Сам подумай! Законы — это коды! Которые существуют в компьютерах и в облаке. Их всего шестнадцать — и они управляют миром!

— Как по мне, этого слишком мало. Слишком мало или слишком много.

— Да нет. Они, конечно, разбиты на кучи статей, но все сводится к шестнадцати основным законам. Я их проанализировал.

— Как всегда. Но все равно это много. Не бывает же шестнадцать чего-либо. Есть восьмеричный путь, в сказках — две злые сводные сестры. Ну максимум двенадцать всюду встречается — как двенадцать шагов или апостолов, — но чаще это однозначные числа.

— Да ладно тебе! Их шестнадцать, и они распространены по странам Всемирной торговой организации и Большой двадцатки. Финансовые операции, обмен валют, торговое право, корпоративное право, налоговое право. Везде одно и то же.

— И все равно я считаю, что шестнадцать — это слишком мало или слишком много.

— Шестнадцать, говорю тебе, и они закодированы, но каждый закон можно изменить, изменив код. Послушай, что я скажу: ты меняешь эти шестнадцать законов и тем самым как бы поворачиваешь ключ в огромном замке. Ключ поворачивается, и плохая система превращается в хорошую. Она помогает людям, управляет самыми чистыми технологиями, восстанавливает среду, прекращает вымирание. Она охватывает весь мир, и отступникам некуда от нее прятаться. Плохие деньги превращаются в пыль, плохие дела — туда же. Схитрить никто не может. И все люди, хочешь не хочешь, становятся хорошими.

— Джефф, я тебя умоляю. Ты меня пугаешь!

— Да шучу я! К тому же что может быть страшнее, чем то, что сейчас?

— Изменения? Не знаю.

— Что страшного в изменениях? Ты даже новости читать не можешь, верно? Потому что они чересчур страшные, да?

— Ну да, и потому что некогда.

Джефф смеется так сильно, что прижимается лбом к столу. Мэтт тоже смеется — просто оттого, что его другу весе-

ло. Но радость у них довольно сдержанная. Они партнеры, и они развлекают друг друга, пока работают долгими часами над кодом для высокочастотных торговых компьютеров в аптауне¹. В результате некоторых пертурбаций их положение к этой ночи сложилось таким образом, что они жили в капсуле на открытом садовом этаже старого здания Мет-Лайф Тауэр², откуда просматривается затопленный Нижний Манхэттен — «новая Венеция» — величественный, роскошный. Их район.

— Вот и смотри: мы знаем, как влезть в эти системы, — говорит Джефф, — и знаем, как писать код, мы лучшие кодеры в мире.

— Или, по крайней мере, в этом здании.

— Да ладно тебе, в мире! К тому же я уже залез туда, куда нам нужно.

— Чего-чего?

— Ну, смотри. Я создал для нас несколько скрытых каналов, пока мы занимались той халтуркой для моего двоюродного братца. Так что мы уже там, и у меня готовы коды на замену. Шестнадцать правок к тем финансовым законам плюс наводка на зад моего братца. Пусть Комиссия³ знает, что он задумал, а заодно пусть выделит денег на расследование. Я установил сублиминальное соединение, по которому альфа подключится прямо к учетке Комиссии.

— А вот сейчас ты реально меня пугаешь.

— Да, но ты только посмотри. Интересно, что ты думаешь.

Мэтт читает, шевеля губами. Он не проговаривает слова про себя, а просто дает стимуляцию мозгу в стиле Ниро Вульфа⁴. Это его любимое нейробическое упражнение, а их у него много. Затем начинает дергать себя за губу — это служит признаком глубокого беспокойства.

— Ну да, — произносит он после десяти минут чтения. — Вижу, ты постарался. И думаю, мне нравится. В целом. Этот

¹ Верхний Манхэттен; северная часть острова.

² 213-метровый 50-этажный небоскреб, построенный в 1909 году.

³ Имеется в виду Комиссия по ценным бумагам и биржам.

⁴ Популярный персонаж из цикла детективов Рекса Стаута.

старый троянский кентомпсоновский¹ конь работает безотказно, да? Как закон логики. Так что может быть весело. Да уж, наверняка развлечемся.

Джефф кивает. И нажимает на клавишу возврата. Новый набор кодов проникает в мир.

Они выходят из капсулы и становятся у садовых перил, глядя на юг, на затопленный город, вбирая в себя его уитменновские «чудеса». О Маннахатта! Внизу огни прочерчивают завитки на черной воде. В южной части острова высятся небоскребы, они отбрасывают свет на более темные строения, придавая им геологический блеск. Чудно, красиво, жутковато.

Из капсулы доносится сигнал, и они, отбрасывая заслонку, устремляются в свое квадратное палаточное жилище. Джефф смотрит на экран компьютера.

— Вот дерьмо, — говорит он. — Нас засекали.

Они смотрят на экран.

— И правда дерьмо, — подтверждает Матт. — И как у них вышло?

— Не знаю, но это только подтверждает, что я был прав!

— Это хорошо?

— Это даже могло сработать!

— Думаешь?

— Нет, — морщит лоб Джефф. — Не знаю.

— Они всегда могут перекодировать то, что ты делаешь, — вот в чем штука. Как только заметят.

— Так, думаешь, стоит попытаться?

— Что?

— Не знаю.

— Ты же сам говорил, — указывает Матт. — Система охватывает весь мир.

— Да, но это же большой город! Сколько тут уголков и закоулков, темных омутов, подводных экономик и всего прочего! Можно нырнуть и исчезнуть.

— Серьезно?

— Не знаю. Но можно попробовать.

¹ Кен Томпсон (р. 1943) — американский пионер компьютерной науки.

В этот момент на садовом этаже открывается дверь большого служебного лифта. Матт и Джефф переглядываются. Джефф показывает большим пальцем в сторону лестницы. Матт кивает. Они проползают под стенкой палатки.

Говорить коротко...

Генри Джеймс

Б) ИНСПЕКТОР ДЖЕН

Инспектор Джен Октавиасдоттир сидела у себя в офисе. Снова задержавшись допоздна, она обмякла в кресле и пыталась собраться с силами, чтобы встать и отправиться домой. Слабый стук ногтей по двери возвестил о приходе ее помощника, сержанта Олмстида.

— Шон, да заходи ты уже.

Ее послушный молодой «бульдог» привел женщину лет пятидесяти. Очень знакомое лицо. Рост метр семьдесят, телосложение плотноватое, небольшие щечки, волосы густые, черные, с седыми прядями. Деловой костюм, большая сумка через плечо. Широко расставленные глаза, умный взгляд, который сейчас был направлен на Джен; выразительные губы. Без макияжа. Серьезная дама. С виду кажется такой же уставшей, как сама Джен. И будто в некотором сомнении — возможно, по поводу этой встречи.

— Здравствуйте, меня зовут Шарлотт Армстронг, — представилась женщина. — Мы, по-моему, живем в одном здании. В старом МетЛайф Тауэр на Мэдисон-сквер, да?

— У вас знакомое лицо, — ответила Джен. — Что вас сюда привело?

— Это касается нашего здания, поэтому я и попросилась на прием именно к вам. Двое жильцов пропали. Знаете двух парней с садового этажа?

— Нет.

— Они, может, боялись с вами заговаривать. Хотя разрешение там жить у них было.

Здание Мета было кооперативным и принадлежало жильцам. Инспектор Джен только недавно унаследовала квартиру

матери и не слишком вникала в дела своего дома. Ей казалось, что она приходит туда только поспать.

— Так что случилось?

— Никто не знает. Они просто были, а потом пропали.

— Кто-нибудь проверял камеры безопасности?

— Да. Поэтому я к вам и пришла. Камеры отключались на два часа в последнюю ночь, когда их видели.

— Отключались?

— Мы проверили сохраненные файлы, и во всех оказался двухчасовой пропуск.

— Как при отключении электричества?

— Да, только его не отключали. И они тогда перешли бы на питание от аккумуляторов.

— Это странно.

— Вот и мы так подумали. Поэтому я к вам и пришла. Владе, наш управляющий, сам собирался сообщить, но мне все равно надо было сюда, в участок, представлять клиента, вот я и подала заявление, а потом попросилась к вам на прием.

— Вы сейчас в Мет? — спросила Джен.

— Да.

— Почему бы нам не вернуться вместе? Я как раз собиралась уходить. — Джен повернулась к Олмстиду: — Шон, можешь найти это заявление и попробовать разузнать что-нибудь о тех ребятах?

Сержант кивнул и вперил взгляд в пол, стараясь не выглядеть так, словно ему только что бросили кость. Но готов был вгрызться в нее, едва они уйдут.

#

Армстронг направилась было к лифтам, но инспектор Джен удивила ее, предложив пройтись пешком.

— Не знала я, что отсюда можно дойти до дома крытыми переходами.

— Прямых нет, — пояснила Джен, — но по одному можно пройти отсюда до Белвью¹, а потом спуститься, перейти по-

¹ Госпитальный центр на Первой авеню.

перек и дальше на запад к скайлайну¹ 23-й. Времени займет приблизительно тридцать четыре минуты. На вапо² было бы в лучшем случае двадцать минут, не в лучшем — тридцать. Так что я стараюсь ходить побольше. И по пути как раз можно поговорить.

Армстронг кивнула, хоть и не была полностью согласна, и сдвинула сумку ближе к шее. У нее побаливало правое бедро. Джен попыталась вспомнить что-нибудь из тех частых рассылок, что приходили ей от правления Мета. Но безуспешно. Тем не менее она точно знала, что эта женщина была председателем кооператива уже тогда, когда Джен переехала в Мет, чтобы ухаживать за матерью. То есть пробыла на своем посту как минимум три-четыре срока, а на такое не многие бы подписались. Она поблагодарила Армстронг за ее труд, а потом прямо спросила о причине столь длительной работы председателем:

— Почему так долго?

— Потому что я сумасшедшая, как вы, должно быть, думаете.

— Нет, не думаю.

— Ну, если бы и подумали, то не слишком ошиблись бы. Мне лучше чем-то заниматься, чем бездельничать. Так меньше стресса.

— Стресса по поводу того, как идет управление нашим зданием?

— Да. Там много сложностей, всегда что-нибудь может пойти неправильно.

— Например, если вода поднимется?

— Нет, это как раз более-менее контролируемо, иначе было бы совсем туго. Здесь тоже нужно внимание, но Владе со своими ребятами справляются.

— Похоже, он хорош.

— Он замечательный. Все, что касается самого здания, это еще легко.

— Проблемы, значит, с людьми?

— Как всегда, не так ли?

¹ Панорама города на фоне неба.

² Вапоретто, маршрутный теплоход.